

домашнего скота в зимний период времени.

Литература

1. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы: уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт / пад рэд. Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Выд. Акад. нав. БССР, 1963. – 971 с.
2. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Выд. Акад. нав. БССР, 1963. – 338 к.
3. Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся. Атлас. Слоўнік / Г. Ф. Вештарт [і інш.]. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – 353 с.
4. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах / пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Мінск. друк. фаб., 1993 – 1998. – 5 т.: Т. 4. – 1997. – 150 с., 439 к.
5. Милюченков, С. А. Натурное исследование народной архитектуры и хозяйственно-бытовой среды белорусов / С. А. Милюченков. – Минск: Право и экономика, 2009. – 58 с.
6. Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-Заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Ю. Ф. Мацкевіч (рэд.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. – 5 т.: Т.1. – 1979. – 512 с.
7. Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-Заходняй Беларусі і яе пагранічча. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – Т. 2. – 728 с.

Морозов И. В.

(Республика Беларусь, г. Минск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЗОДЧЕСТВА

В переживаемых общечеловеческой культурой коллизиях и турбулентностях, в конфликте нивелирующего воздействия глобализации и защитной реакции национальной идентичности актуализируется лингвистическая проблематика. Ведь уже не требует особого доказательства, что язык *«всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом»* (В. Гумбольдт). И так же закономерно формируется концепция лингвистической относительности (Сепира-Уорфа), многие другие исследования, исповедующие опосредованность человека языком, когда он начинает *«мыслить сам»*, порождая уже из самого себя новые формы мыслительной деятельности, открывая себя для вольного сотворчества *«человек-язык»*. Следовательно, язык априори конгениальным образом выражает существо бытия человека, способного и обязанного именовать, вопрошать, объяснять, молить, утверждать... Изначально же – мыслить и понимать.

В этой связи у всякого языка как условия смысловыражения должна быть некая независимая от внешних сиюминутных факторов, архетипическая, врожденная, универсальная, абсолютная присущность. Она таится, точнее, явствует в каждом акте смысловыражения в качестве *«глубинной грамматики»* (В. Гумбольдт), *«априорной грамматики»* (Э. Гуссерль). Они же, по определению, естественную онтологию, то есть зиждутся на врожденной способности человека различать и улавливать изменения, выстраивая, таким образом, свою витальную ориентацию и поведение.

В основе всех этих *«мистических»* грамматик – непреложно атрибутивная бинарная оппозиция-двучлен, состоящий из существительного и глагола. С синергетической позиции это диалектическое единство бытия-становления. На их основе выстраивается простейшая форма, квант мысли, или *«атомарные предложения»* (Б. Рассел): **Существительное – Глагол – Существительное +**

Это естественный эквивалент универсального для человека трехчлена: **Ситуация – Действие – Ситуация +**

Ее онтологические корни следует искать в исходном для мысли, помысла, размышлений трех члена: **Место – Переход – Место +**

В нем обнаруживается некий Путь, что совершаем мы непременно в физической реальности или в ментальном усилии. Благодаря последнему он предстает как Текст, совокупность последовательно связанных мыслей, изложенных и представленных пониманию и интерпретации на некотором выбранном для того языке: *«Мы говорим для того, чтобы сказать друг другу, куда ведет путь»*[3].

Именно на этой методологической ниве культивируется герменевтика как «наука о духе» (В. Дильтей), или «феноменология человеческого бытия» (М. Хайдеггер). Наиболее радикальным, но естественным и последовательным здесь выглядит тезис: «Все есть текст» (Ж. Деррида). Следовательно, еще раз актуализируется исследование лингвистической картины мира. Причем, под языком следует понимать не только язык вербального общения, но и все обилие знаково-лингвистических, в том числе обязательно и художественных средств смысловыражения – жестом, письмом, красками, камнем и в целом миропреобразующими действиями. Иначе говоря, зодчеством, поскольку этимология этого старинного русского слова вбирает понятия, связанные с созиданием, созиждением, значимым и творческим переустройством мира. При этом подразумевается не просто искусство строить или о совокупность всех зданий и сооружений, как истолковывают собственно архитектуру, но целокупный искони небесмысленный мир созидателей, вбирающий и творцов, и их творения как воплощение в специфических текстах представлений относительно смысла и идеалов совместного бытия. Их вербальный эквивалент-описание неких мест и перемещений, реальных и гипотетических переходов с места на место. При этом пониманию подлежат воображение, фантазия, даже суеверия и предрассудки, любые ментальные, интуитивно-бессознательные проявления человеческой культуры, которые находят свое выражения в зодческой практике, но не поддаются строгой объективизации. В этой связи зодчество можно наречь и коммунигаром (лат. *Communicare* – «совещаться с кем-либо»), обуславливающим диалог, или языком кибернетики – прямые и обратные информационные связи в социуме как в синхронном, так и диахронном исполнении. Ибо только в этом случае герменевтический опыт будет следовать своему главному принципу: зодческие тексты конгениальны, предельно адекватны «духовной ситуации времени» (К. Ясперс).

Таким образом, есть основание и плодотворная перспектива у герменевтики зодчества. В ее контексте изучению подлежат как универсальные качества языка зодчества, так и его, например, этнические, национальные вариации. В этой связи показательно, например, сопоставление, компарация зодческих феноменов Запада, Востока.

Западное зодчество воспитано преимущественно альтернативным мировосприятием, полюсной, «альтернативной» философией, изначально поставившей себя перед непримиримым выбором первичности мироздания – материи или духа. Здесь очевидна стратегия противопоставления, объектно-субъектные, деятельностные взаимоотношения, где доминирует рационализм, прагматизм, упование на истину посредством позитивной аналитики, упорного поиска совершенства, порядка, ордера, закономерностей, норм, образцов, исчисляемой системы пропорций, нахождения Места всему и вся. Зодчий западного толка – мастеровой, достаточно педантичный «каменщик», возводящий добротную кладку своих Мест. Все в ней тщательно вымерено, подогнано, максимально типизировано, логически убедительно – всегда готово противостоять нарочитыми отгороженностями влияниям извне. *«Мой дом – моя крепость»* – аутентичный афоризм европейца. Поскольку он строит, словно пишет декларацию: весомо, крепко, зримо, предпочитая геометрическую лапидарность, устойчивую брутальность, четкую

очерченность всех краев, граней, плоскостей, объемов. Это – как буквенные тексты, где каждой букве априори присвоено Место и она проста, однозначна и поэтому автономна – означает только то, что означает вне зависимости от начертания и контекста. В целом западный зодческий текст дискурсивен, рассудочно, понятийно, логически опосредствован – прозаичен.

Восточное зодчество основано на «кротком» мировосприятии, потому и не «выискивает», не анализирует, не нормирует, не удерживает, принимая эту трансцендентность вселенским принципом. Оно – единая континуальная телодуховность: здесь нет «лучших» и «худших» Мест, градаций на «главное» и «второстепенное». Нет нужды акцентировать Переходы: ими пронизано все, а их плавность только подчеркивает всеобщность перетекающих связностей, причем, без разлада и разлома. И так выражается мироощущение, что зиждется на добровольном «подчинении» Естеству, растворении в нем, отрицающем даже повод к конфликту. Такое зодчество, можно сказать, живет, созерцая и наслаждаясь изменчивостью. Зодчий Востока даже и не помышляет о какой-либо конфронтации и всячески выказывает добровольную открытость, взаимосвязь, переходность со всем, что возникло и сделано до него и, что явится за ним. Он, скорее, садовник: не возводит, но растит, обильно орошая утонченное «произрастание» живительной влагой немеркнущих традиций. Отсюда традиционный Дом безбоязненно и даже вожделенно доступен вселенскому единению. И все рукотворные ограждения создаются так, чтобы они более сопрягали, нежели размежевывали: они мнимы, призрачны, необязательны, факультативны. И эта всепроницаемость не тяготит и тем более не страшит, поскольку не нарушает мировой порядок, в основе которого благодатное растворение в Природе, преисполненной изменениями и переходами. Посему восточный зодческий текст искони поэтичен, предпочитая иррациональную неуловимость непрерывных Переходов, безразличных к устоялости Мест и конечной Цели. Это согласуется с принципом безначально-конечного Пути-Дао и добродетели-недеяния («у-вэй»). В целом превалирует трансфинитное глаголение, уповающее на метаболизм ассоциаций и интерпретаций, созерцательность и интуитивность, и исповедующее символику, неудержимую в своих коннотациях.

В герменевтике подобного сопоставления особым видится русская зодческая текстология, которая весьма органично сочетает как западные, так и восточные мотивы, темы, принципы, средства. При этом эти тексты нельзя назвать всего лишь компиляцией, ибо они уникальны, как русская икона с обратной перспективой. В них явствуется и бытовая повседневная рациональность, и самобытная иррациональность бытия, которое не понять умом, в которое, как заметил пронизательный поэт, можно только верить. В них обнаруживается и языческая магия Места, и христианская мистика Перехода. В них легко просматривается и пиетет к родному Дому и тяга в даль «несусветную», вдохновляемая способностью пойти, не зная куда, но добыть то, что нужно, хотя пока также неведомое. Традиционная русская изба впечатляет своей мощью противостоять суровой природной стихии и всеохватывающей символикой, что источают порог, двери, окна с наличниками, кровля с коньком...

Литература

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт – М., 1984. – 250 с.
2. Морозов, И. В. Герменевтика зодчества / И. В. Морозов. – Минск : Стринко, 2009. – 352с.
3. Розеншток-Хюсси, О. Бог заставляет нас говорить. / О. Розеншток-Хюсси – М. : Канон+, 1997. – 288 с.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.